

Ши Ушэ, держа в руке Плеть Наказания, испокон веков придерживался правила: являлась ли парочка — хлестал обоих, сходилось больше народу — лупил целый выводок.

Стоило же Хуа Чжао сегодня встать у него на пути, как он, представьте себе, убрал плетку и в бешенстве ушел!

У Цзи Ша от восхищения едва ли не искры из глаз сыпались, она смотрела на Хуа Чжао с полнейшим благоговением.

Выражения лиц учеников, глядевших на Хуа Чжао, тоже были весьма странными, однако обсуждать подобное они не решались. Одни принялись залечивать раны Се Фу, другие сняли верхние халаты, чтобы прикрыть его разорванную одежду.

Ученики помогли Се Фу подняться, но дальше поддержка им уже не потребовалась. Опираясь длинным мечом о землю, Се Фу посмотрел на Хуа Чжао и протянул к ней руку, перехватив ее за запястье, когда она стояла словно в полузабытьи.

— Чжао-чжао, мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

Хуа Чжао проводила взглядом исчезнувшего Ши Ушэ, чувствуя, как сердце разрывается от боли — казалось, прямо из ее рта улетела заветная жареная утка.

Услышав обращенные к ней слова, она повернула голову к Се Фу. Даже сейчас, израненный и потрепанный, он сохранял благородную красоту и утонченные манеры. Про себя она подумала: неужели этой заразе не хватило того, что он испортил ей всю прошлую жизнь, неужели и в этой он собирается ее погубить?!

Мечтай!

Однако вырываться из хватки Се Фу Хуа Чжао не стала и, глядя на него, с легкой долей сарказма произнесла:

— Какое совпадение, мне как раз тоже нужно кое о чем с тобой поговорить.

Ученики проводили Се Фу до его комнаты, и Хуа Чжао, разумеется, последовала за ними.

Стоило ученикам удалиться, как Цзи Ша принялась строить Хуа Чжао глазки. С озадаченным видом Хуа Чжао захлопнула дверь и вдобавок наложила на нее звукоизоляционный барьер.

Она уже повернулась, собираясь заговорить с Се Фу, как обнаружила, что тот стоит у кровати полуголый, спиной к ней. У него была такая же осиная талия и широкие плечи, как у Ши Ушэ, стройное и прямое тело, разве что кожа оказалась на несколько тонов белее.

Поистине — кожа из льда, кости из нефрита, а шрамы от клинков и плеттки на спине ничуть не портили красоту этой безупречной плоти, а лишь добавляли ей жестокого очарования, заставляя желать оставить на ней еще больше отметин.

Хуа Чжао замерла у порога, ее лицо слегка скривилось.

Се Фу и впрямь не считал ее чужой.

В этот момент он держал в руке фарфоровый флакон и, слегка повернув голову, обратился к ней:

— Чжао-чжао, не сможешь мне нанести мазь? До спины я достать не могу.

Дыхание Хуа Чжао перехватило. В таком виде Се Фу любую другую женщину давно лишил бы рассудка — его внешность обладала слишком сильным искушением.

Но дыхание у Хуа Чжао сперло вовсе не от очарования: просто еще с прошлой жизни она терпеть не могла, что без одежды Се Фу был белее ее самой!

Мужик, богатырь, а обзавелся кожей, нежной донельзя, на которой даже шрамы не задерживаются — и зачем только? Женщин соблазнять?!

Пёсье исчадие, транжирит такое добро попусту!— Хуа Чжао?

Не услышав, как Хуа Чжао двигается, Се Фу обернулся и посмотрел на неё. Его длинные волосы рассыпались по груди, а персиковые глаза источали нежную, вязкую страсть.

Он улыбнулся ей:

— Иди сюда.

Хуа Чжао глубоко вздохнула, мысленно выругавшись: в прошлой жизни они спались по меньшей мере раз восемьсот, она даже знала о родимом пятне на заднице Се Фу, чего тут бояться?

Сейчас было важнее разобраться, что именно происходит между ней и Се Фу и почему боль Се Фу отзывалась в ней.

С сохраняющим привычное выражение лицом Хуа Чжао подошла ближе, намереваясь сначала нанести Се Фу мазь, а уже потом попытаться во всём разобраться. Однако, подойдя к краю купели, чтобы сполоснуть руки, она удивленно выдохнула:

— Ой?

Хуа Чжао посмотрела на свои чистые ладони, решив, что ей мерещится.

Она несколько раз перевернула руки, растопырила пальцы и внимательно, вплотную поднеся к глазам, осмотрела промежутки между ними — абсолютно чистые, ничего.

Вот чёрт!

Она отчетливо помнила, что когда ранее обнимала Се Фу, пытаясь помешать Ши Ушэ ударить его Плотью Наказания, её руки испачкались кровью на спине и руках Се Фу.

В той суматохе она вовсе не применяла Заклинание Очищения, и была абсолютно уверена, что остальные тоже его не использовали — об этом красноречиво свидетельствовали пятна крови на ее собственных манжетах и вороте.

Так что же тогда происходит?

Хуа Чжао сглотнула слюну. Се Фу неотрывно смотрел на нее, и по мере того, как он наблюдал за ее растерянным, застывшим лицом, в его глазах мелькнули мрачные, темные тени.

Се Фу подошел к Хуа Чжао, поставил флакон с мазью на стол и, обнаженный, обнял её со спины.

Он слегка наклонил голову, уткнувшись лицом в шею Хуа Чжао, опустил взгляд и медленно произнес:

— Я знаю, что он принуждал тебя, Хуа Чжао. Не бойся, пройдет совсем немного времени, и я непременно убью его.

Хуа Чжао же продолжала смотреть на собственные пальцы, а в её груди бушевал целый океан догадок.

Пропустив мимо ушей всю чушь, что нес Се Фу, она, стремясь подтвердить свои догадки, резко развернулась и обняла его, погрузив кончики пальцев в открытые раны на его спине.

Се Фу решил, что Хуа Чжао ищет утешения, и даже ощутив резкую боль от её пальцев, не отпустил её, лишь продолжая мягко гладить по спине и зарываться пальцами в её волосы.

Хуа Чжао же остекленела взглядом, а в ногах появилась странная слабость: то самое горячее ощущение, словно она погрузилась в теплый целебный источник, вернулось вновь.

Её дыхание на миг сбилось, после чего она с силой оттолкнула Се Фу и стремительно повернулась, глядя на свои руки.

На этот раз Хуа Чжао воочию увидела, как на её пальцах выступает кровь Се Фу, но эта кровь растворялась прямо на глазах.

Или, вернее сказать, впитывалась в неё. А от неё самой исходило ощущение ни с чем не сравнимого, нескрываемого насыщения, комфорта и даже желания добавки.

- Чжао-чжао... - Се Фу снова сделал шаг вперед, намереваясь её успокоить.

Но в мгновение ока кожа Хуа Чжао впитала всю оставшуюся на руках кровь до последней капли. Испугавшись, что он заметит неладное, Хуа Чжао торопливо сунула руки в таз с водой.

Она рывкнула на Се Фу:

- Не подходи! Я... я сейчас сполощу руки и обработаю твои раны!

Хуа Чжао редко доводилось говорить в таком паническом тоне, и Се Фу в конце концов не стал приближаться, а послушно сел ждать у стола.

Во взгляде, которым он смотрел на Хуа Чжао, не было ни капли фальши — лишь искреннее беспокойство. А вспомнив о человеке, который довел Хуа Чжао до такого потерянного состояния, Се Фу вспыхнул жадой убийства.

Он не позволит безнаказанно обижать свою женщину.

Успокоив мечущееся сердце, Хуа Чжао вымыла руки, подошла к Се Фу, взяла пузырек с лекарством и принялась обрабатывать раны на его спине.

Нанося мазь, она думала лишь о том, как же всё это невероятно.

Мало того, что она переродилась, так она, похоже, переродилась в какого-то невероятного кровожадного демонического культиватора.

Она способна напрямую поглощать кровь Се Фу, да к тому же находит её сладкой на вкус. Но

самое странное заключалось в том, что когда ранен Се Фу, боль передается и ей...

Закончив смазывать рану на спине Се Фу, Хуа Чжао повернула его лицо к себе и наклонилась ближе. Хуа Чжао едва не вlepила ему пощечину.

Однако вскоре она сообразила, что Се Фу вовсе не собирается распускать руки — на его щеке тоже виднелась рана.

– Это... тебя задело Плетью Наказания? – спросила Хуа Чжао.

Се Фу сидел неподвижно, слегка запрокинув голову и глядя на выражение лица Хуа Чжао. Его прекрасные персиковые глаза были полны нежности, и он тихо произнес:

– Мм.

А затем с улыбкой добавил:

– Пустяки. Кровь хоть и пролилась, но не пропала зря — вся до капли упала тебе на губы.

Когда он развернул её в своих объятиях прямо перед тем, как опустился удар плети, его щеку расколо, и кровь действительно стекла прямо ей на губы.

Вот почему в тот момент она не почувствовала никакой боли, зато ощутила невероятное, предельное наслаждение.

Она испила крови Се Фу.

Се Фу мастерски умел говорить сладкие речи. Он мягко взял Хуа Чжао за запястье, притянул к себе и усадил к себе на колени.

Поглаживая её по лицу, он произнес:

– В древности существовал обычай клясться кровью: храбрецы пили кровь друг друга, чтобы с тех пор не расставаться и хранить верность до конца.

– Теперь же ты испила моей крови, а значит, заключила со мной союз, и мы... мпф.

Хуа Чжао прижала ладонь к лицу Се Фу, намертво зажав его источающий мёд рот, после чего встала с его колен и бросила на него сложный, полный смятения взгляд. Хотя Хуа Чжао пробыла в чистой и безбрежной пустоте довольно долго, проведя с Се Фу более четырех веков, она донельзя привыкла к его продуманным до мелочей интимным движениям и по неосторожности угодила в ловушку.

Хуа Чжао ущипнула Се Фу за щеки, но тот даже не попытался сопротивляться. Запрокинув голову, он смотрел на нее и моргал, а в его глазах плескалась откровенная нежность с оттенком двусмысленности.

Се Фу был именно таким человеком: когда он относился к тебе хорошо, казалось, будто весь мир наполнен ласковым весенним ветерком и бесконечной, обволакивающей нежностью.

Когда Хуа Чжао переспала с Ши Ушэ, Се Фу застал их за этим занятием, однако расправился

лишь с самим Ши Ушэ, не высказав Хуа Чжао ни единого упрека в неверности и даже не посмотрев на нее с укором.

Если бы на ее месте оказалась какая-нибудь другая женщина, униженная и принужденная чужой волей, потерявшая чистоту, но встретившая столь снисходительное отношение со стороны Се Фу, она бы, пожалуй, с того самого дня была готова ради него разбиться в лепёшку, отдать ему сердце и душу и потерять голову от любви.

Но Хуа Чжао не собиралась попадаться на эту удочку. В прошлой жизни она уже пала жертвой его жалостливой нежности, и хотя ее конец нельзя было назвать совсем уж жалким, он явно был не тем, к чему она стремилась.

К тому же Хуа Чжао прекрасно понимала: Се Фу вел себя так вовсе не от большой любви к ней — ему было попросту всё равно.

Его не волновала ни верность между супругами, ни женская чистота. Ради власти и подчинения различных кланов в прошлые годы он брал в жены женщин, познавших немало мужчин, случалось — чужих сестер и жен, а порой и тех, кто выходил за него с детьми на руках, принимая абсолютно всех.

Пока эта женщина помогала ему достичь цели с наименьшими жертвами, Се Фу оставался тем типом людей, что в порыве жестокости могли продать даже самих себя.

Безупречная внешность и ладная плоть были для него лишь инструментом, стоящим не больше ломаного гроша.

В прошлой жизни Хуа Чжао собственными руками расправлялась с неверными женщинами из его гарема, но Се Фу никогда не сердился из-за этого, неизменно говоря с легкой усмешкой: Раз уж она не любит меня, то пусть идет на все четыре стороны.

Напоследок Се Фу всегда бросал Хуа Чжао одну и ту же фразу: Мне достаточно того, что у меня есть ты.

Всю жизнь она была одурманена его обманом, а теперь ей хотелось лишь проломить ему макушку.

Воспоминания о прошлом вызывали лишь одно отвращение. Собравшись с мыслями, Хуа Чжао продолжила безмолвно выведывать правду.

Она отпустила раскрасневшееся лицо Се Фу и спокойно произнесла: Надень одежду, нам нужно поговорить.

Се Фу поднялся на ноги, достал из сумки для хранения совершенно новое ученическое

облачение и облачился в него, а Хуа Чжао тем временем наполнила себе чашку чая, пытаясь до конца разобраться со странными переменами, происходившими с ее телом. Се Фу уже оделся и сидел рядом с Хуа Чжао. Он снова протянул руку, чтобы взять её за руку, но Хуа Чжао увернулась, залпом осушила чашку с чаем и спросила:

— Больно?

— М? — Се Фу на мгновение замер, а затем расплылся в улыбке. Улыбка его была поистине невероятно прекрасна — словно разом распустились тысячи деревьев в буйном и пышном цвету.

Особенно сейчас, когда его растрёпанные волосы рассыпались по плечам, а одежда была в беспорядке. В этом не было ничего жалкого — напротив, это добавляло ему какой-то небрежной и утончённой грации.

Он намеренно соблазнял Хуа Чжао.

Ему всегда казалось, что поведение Хуа Чжао выходит за рамки его ожиданий, и он исподволь пытался вернуть её в привычное русло.

Лучше всего он умел пользоваться своей собственной привлекательной внешностью.

Однако Хуа Чжао оставалась совершенно равнодушной. Каким бы красивым ни было это лицо, они спали вместе уже несколько сот лет, и новизна давно улетучилась.

— Больно? — снова повторила вопрос Хуа Чжао.

Се Фу покачал головой:

— Боль в ранах уже утихла. Нанесённые мне раны я непременно верну сторицей, а обиды, что причинили тебе, смыл бы вместе с тобой.

— Чао-чао, не бойся.

Хуа Чжао сглотнула подступивший к горлу ком и переспросила:

— Я спрашиваю, у тебя ноги болят?

Се Фу опешил.

Хуа Чжао улыбнулась.

Она молча убрала руку, которой только что до боли щипала себя за бедро. От жгучей боли на глазах выступили слёзы, но на душе было невероятно радостно!

У Се Фу ничего не болело!

Это означало, что когда ранили её, Се Фу ничего не чувствовал. Никакого сопереживания не было, и это было просто великолепно!

Вдобавек к тем ощущениям, что подарила ей кровь Се Фу, брызнувшая ему на губы, она поняла: кровь Се Фу способна исцелять её боль и раны.

Стоило ей поглотить каплю крови Се Фу, как вся ломота и истома после бурной ночи с Ши Ушэ

исчезли без следа.

И хотя она чувствовала боль, когда ранили Се Фу, сам Се Фу не ощущал её страданий... Хуа Чжао с некоторым волнением перевернула запястье: как и ожидалось, отпечаток лотоса на внутренней стороне руки стал намного ярче.

Все эти условия, сложившиеся в единую картину, пробудили в памяти Хуа Чжао давным-давно запечатанные воспоминания.

В прошлой жизни Хуа Чжао повидала немало на своём веку и теперь отчетливо поняла: никакой связи с сопереживанием у них с Се Фу не было, и уж тем более это не являлось какими-то небесными карами. Они с Се Фу разделили судьбу.

В прошлые времена, будучи Императрицей Юйсяо и поддерживая мир между всеми расами, она бесчисленное количество раз сталкивалась с небожителями, демонами, духами и призраками, а потому прекрасно знала о самых разных диковинных техниках.

Среди них существовало одно колдовство под названием Разделение Духа и Судьбы, похожее на паразитирование одних живых существ на других: более сильная сторона отдавала собственную душу и жизненную силу, чтобы поддерживать существование другого.

Тот, чья судьба была разделена, становился паразитом: он мог чувствовать боль и даже смерть своего кормильца, в то время как сам кормилец не ощущал ничего, что происходило с паразитом.

Изначально это была тёмная и порочная техника, поскольку паразит испытывал непреодолимую жажду плоти и крови кормильца. Кормилец часто бывал полностью испит паразитом до истощения жизненных сил, в конце концов погибая сам, после чего неизбежно умирал и привязанный к нему паразит.

Хуа Чжао однажды уже видела подобное колдовство среди расы демонов: тогда парадизмом воспользовалась одна демоница, отдавшая свою жизнь, чтобы тяжело раненный ребёнок смог выжить, но в итоге погибли оба. Мать высосали обезумевшие от жажды остатки плоти, оставив лишь пустую оболочку.

Тогда это зрелище внушило Хуа Чжао суеверный ужас, и она строго-настрого запретила представителям любых рас использовать подобный способ ради продления жизни возлюбленных или близких.

И вот теперь, сделав полный круг, судьба свела её с этой запретной техникой — неведомо почему, но небеса решили применить её к самой Хуа Чжао. Стоит признать, она была вне себя от радости.

Единственным зловещим аспектом Разделения Духа и Судьбы было то, что со смертью кормильца умирал и паразит.

Но загвоздка заключалась в том, что, как всем было прекрасно известно, Сын Небесного Пути не мог умереть!

С чего бы Се Фу умирать?

В её прошлой жизни, когда Хуа Чжао умерла, Се Фу уже достиг Стадии Опустошения, а продолжительность жизни практика на этом уровне достигает пяти тысяч лет!

Раз она поделила с ним судьбу, чем это отличалось от вечной жизни?

Что же до необходимости терпеть его раны и боль — об этом вообще не стоило упоминать!

Се Фу был Сыном Небесного Пути, так неужели же Хуа Чжао, поделившая с ним судьбу, теперь тоже хоть отчасти могла считаться дочерью небес?

Неужели это те самые возлюбленные, что в конце концов становятся братом и сестрой?

Посторонним умом думала Хуа Чжао, значит ли это, что отныне ей больше не нужно усердно культивировать? Можно ли ей пуститься во все тяжкие?

Зачем при такой судьбе вообще продолжать культивацию? Достаточно лишь прижаться к Се Фу и откусить от него пару кусочков плоти, как глядишь, и вознесёшься прямо на месте...

Сердце Хуа Чжао окончательно успокоилось и встало на место.

Даже не просто успокоилось — она вдруг почувствовала себя невероятно легко и свободно, и оттого даже сам Се Фу стал казаться ей донельзя милым и приятным.

Хотя Се Фу не понимал, с чего это Хуа Чжао вдруг заинтересовалась, болят ли у него ноги, заметив, как в её глазах вновь разгорается нежность — точь-в-точь как раньше, когда она смотрела на него с безумным обожанием, — он слегка успокоился.

Он протянул руку, намереваясь притянуть Хуа Чжао к себе для нежных ласк.

Но Хуа Чжао подняла один палец, уперлась ему в плечо и оттолкнула.

Затем с лучезарной улыбкой, которую вполне можно было назвать мягкой, она поднялась на ноги, свысока похлопала Се Фу по щеке, легонько ущипнула за место у шрама на лице и произнесла:

— Ну всё, а теперь давай поговорим о серьёзном.

Эту миску халявной похлёбки я выпью первой.

— Давай расстанемся, — произнесла Хуа Чжао. — Я влюбилась в другого.

Такая никчемная дрянь вроде тебя, которую обижают, а она даже сдачи дать не может, не достойна моей любви. Давай быстрее занимайся культивацией! Чем выше твоя ступень культивации, тем дольше продлится моя жизнь!

Улыбка на лице Се Фу застыла.

Сказав это, Хуа Чжао развернулась и зашагала прочь: ей нужно было догонять свою улетевшую утку — ту самую сбежавшую золотую жилу с длинными ногами.

Глава 7. Бессердечие

Хуа Чжао уже дошла до выхода, когда Се Фу, казалось, только-только пришёл в себя. Вспыхнув силуэтом, он сорвался с места и в один миг настиг её, мёртвой хваткой вцепившись в руку.

— Что ты сказала?

— Чао-чао...

— Я говорю, расстаемся, — Хуа Чжао скосила глаза на Се Фу. Встретившись с его выражением лица, на котором наконец треснула и осыпалась идеальная маска, она не почувствовала ни малейшего колебания или жалости.

Она повторила каждое слово:

— Разве я не ясно выразилась? Я полюбила другого.

Лицо Се Фу окончательно исказилось. Он впился пальцами в руку Хуа Чжао так, будто хотел раздробить кости; в его глазах сначала мелькнуло потрясение, а следом за ним — обрушившееся лавиной непонимание и шок.

— Почему... — Се Фу выглядел так, будто совсем разучился понимать человеческую речь. В его некогда ярких, чарующих персиковых глазах больше не было того намеренно источаемого приторного тепла — их место заняла мертвенная бледность и растерянность человека, пережившего снежный обвал.

— Ты что, оглох? — бросила Хуа Чжао. — Я же повторила дважды, я...

— Да как такое возможно! — сорвался на отчаянный крик Се Фу.

Он смотрел на Хуа Чжао, но спустя мгновение полностью взял себя в руки, спрятав перекосившееся от боли лицо. Его взгляд вновь стал нежным и вязким; притянув Хуа Чжао ближе к себе, он свысока погладил её по щеке и спросил:

— Ты сердишься на меня, да?

— Вيني меня, Чао-чао, во всем вيني меня, — заговорил Се Фу. — Это я не смог тебя защитить, это я во всем виноват.

— Моя нынешняя ступень культивации пока невысока, к тому же Ши Ушэ занимает пост Мастера Зала Правосудия в Секте Меча Цинлин. Чтобы покончить с ним, нужны веские причины и тщательный план. Дай мне немного времени, я обещаю тебе — я непременно отомщу за тебя, я сделаю так, что он познает ад при жизни!

Се Фу держал лицо Хуа Чжао в ладонях и шептал:

— Чао-чао, злись на меня как угодно, только не мори себя гневом, не устраивай такие сцены. Видеть тебя такой — мне невыносимо больно.

Се Фу говорил до того искренне и ласково, что в этом заключался весь его ужас: дело было не в том, что он обладал изворотливым умом, а в том, что он умел прогибаться под обстоятельства и всегда трезво оценивал обстановку, находя наилучший выход из положения.

Кто бы смог остаться равнодушным, глядя на то, как прекрасный мужчина с чуть сдвинутыми бровями и полными боли и нежности глазами мягким шёпотом клянется в мести?

Хуа Чжао, чьё лицо всё ещё держали в ладонях, на мгновение замерла.

Её оглушило не потому, что Се Фу вновь удалось её очаровать — просто она слишком хорошо знала Се Фу. Прошедшие сотни лет позволяли ей без труда распознать всю фальшь и умысел, затаившиеся в его взгляде в эту минуту.

Но там была и искренность.

Хуа Чжао замерла потому, что в этот момент их отношения, еще не до конца источенные безжалостным временем, не выглядели столь чужими и фальшивыми.

Пусть даже в глазах Се Фу ложь занимала добрых семь частей, оставшиеся три части были чистой правдой.

Хуа Чжао уже позабыла, что в те дни, когда у Се Фу не было за душой ни гроша, когда он еще не прогремел на весь мир, он, возможно, действительно любил её.

Иначе в противном случае Хуа Чжао не потеряла бы голову из-за него и не мечтала бы бесчисленное количество раз прожить с ним жизнь рука об руку.

В конце концов, любовь к человеку всегда невозможно утаить, и тот, кого любят, разумеется, способен это почувствовать.

Се Фу держал лицо Хуа Чжао, вглядываясь в неё и постепенно сокращая расстояние между ними. Ему отчаянно требовался поцелуй — чтобы утешить Хуа Чжао и вместе с тем успокоить собственное мятущееся сердце.

Однако в тот самый момент, когда губы Се Фу почти коснулись её губ, Хуа Чжао единым ударом кулака, в который вложила всю духовную силу, врезала ему в бок.

Ах ты развратник чёртов, ещё и лапать меня вздумал! Почки тебе отобью!

Се Фу глухо охнул и согнулся пополам, а Хуа Чжао рывком распахнула дверь и выскочила наружу.

Проявив невероятную расторопность, Се Фу успел перехватить её за лодыжку. Хватка была крепкой, и когда он снова поднял голову — как бы ни старался сдержаться, уголки его прекрасных персиковых глаз покраснели, приобретя ещё более соблазнительный и умоляющий оттенок.

— Чао-чао, не надо так, — глядя на неё снизу вверх, промолвил Се Фу. — Не дури.

— Прошлой ночью... это ведь ничего не значило. Я вовсе не держу зла, и ты не принимай близко к сердцу, я помогу тебе отомстить.

Хуа Чжао со злостью посмотрела на Се Фу, ухватившего её за ногу так крепко, что она чуть не растянулась на полу.

— Чао-чао, мне больно, — бесстыдно принялся строить из себя жертву Се Фу, твёрдо решив ни за что не соглашаться на расставание, о котором толковала Хуа Чжао.

У Хуа Чжао взлетели брови — она была искренне шокирована. Се Фу никогда раньше не вёл себя подобным образом, не переносил тяготину и всегда с легкостью отпускал тех, кто оказывался рядом.

Неужели... дело было в тех самых трёх частях настоящих чувств?

Хуа Чжао выдернула ногу и, решив разрубить гордиев узел одним ударом, произнесла слова, которые Се Фу ненавидел больше всего на свете:

— Посмотри в зеркало и оцени, до какой низости ты докатился.

Се Фу не выносил слово «ничтожный» или «низкий», потому что с детства его обзывали ничтожным ублюдком, а его мать называли дешёвкой. Даже невеста, расторгнувшая с ним помолвку в прошлом, публично унижала его за низкое происхождение.

<http://bllate.org/book/22424/2354332>